

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Археология и древняя история**

Научная статья

УДК 39(393.1)+94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-16-47

EDN: AAAJJU

**ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
(НА ПРИМЕРЕ КАМЛЮКСКОГО КУРГАНА)****Лина Хизировна Гучапшева**Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия, mamhego-va.lina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6279-4746>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы этногенетической интерпретации археологических культур и хронологического определения погребальных комплексов на примере Камлюкского кургана. В качестве источника привлечены материалы, хранящиеся в научном архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Представлен небольшой историографический обзор по истории изучения и открытия археологических памятников на территории Кабардино-Балкарии. В исследовании применены методы этнологического и археологического изучения, и используется понятие «этноархеология». Выделяются типологические особенности захоронений, сопоставляются и анализируются схожие и отличительные признаки, дается этнографическое описание погребального обряда. Рассматривается вопрос соотношения понятий «археологическая культура» и «этнос». Проблема этнической принадлежности строителей погребальных комплексов рассматривается в тесной связи с древними археологическими культурами эпохи бронзы (майкопская и северокавказская) и этническими общностями, которые издревле проживали на данной территории. Акцентируется внимание на необходимости дополнительных исследований с учетом междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: этногенетическое исследование; Камлюкский курган; Северокавказская культура; Майкопская культура; погребальный обряд; этноархеология; хронология; эпоха бронзы, этнографическое описание, этнология.

Для цитирования: Гучапшева Л.Х. Этноархеологическое изучение памятников эпохи бронзы Центрального Предкавказья (на примере Камлюкского кургана) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 16-47. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-16-47. EDN: AAAJJU.

© Гучапшева Л.Х., 2024

Original article

**ETHNOARCHEOLOGICAL STUDY OF BRONZE AGE MONUMENTS
OF THE CENTRAL CIS-CAUCASUS
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE KAMLUK BURGAL)**

Lina Kh. Guchapsheva

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia, mamhegova.lina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6279-4746>

Abstract. The article discusses the problems of ethnogenetic interpretation of archaeological cultures and the chronological determination of burial complexes using the example of the Kamlyuk mound. The source used is materials stored in the scientific archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. A short historiographical review of the history of the study and discovery of archaeological monuments on the territory of Kabardino-Balkaria is presented. The study applies methods of ethnographic and archaeological study, and uses the concept of “ethnoarchaeology”. Typological features of burials are highlighted, similar and distinctive features are compared and analyzed, and an ethnographic description of the funeral rite is given. The question of the relationship between the concepts of “archaeological culture” and “ethnicity” is considered. The ethnicity of burial complex builders is discussed in relation to ancient Bronze Age archaeological cultures (Maikop and North Caucasus) and the ethnic communities that have lived in this territory since antiquity. Attention is focused on the need for additional research, considering an interdisciplinary approach.

Keywords: ethnogenetic research; Kamlyuk mound; North Caucasian culture; Maykop culture; funeral rite; ethnoarchaeology; chronology; Bronze Age, ethnographic description, ethnology.

For citation: Guchapsheva L.Kh. Ethnoarcheological study of bronze age monuments of the Central Ciscaucasus (based on the example of the Kamlyuk mound). In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 16-47. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-16-47. EDN: AAAJUU.

© Guchapsheva L.Kh., 2024

Введение

После распада Советского союза в национальных республиках был запущен процесс самоопределения, усилился интерес к этнической истории, происхождению и развитию самобытной культуры. В период политической нестабильности, глубокого идеологического кризиса, мировой глобализации и унификации культур исследование проблемы этногенеза рассматривалось научными кругами как необходимое условие для сохранения культуры и этнической идентичности малочисленных этносов. В постсоветском научном пространстве появились публикации по этногенезу народов Северного Кавказа: осетин [Гутнов 1991: 229-237; Гутнов 2011; Догузов 1992: 12-26; Ковалевская 2005]; адыго-абхазов [Бетров 1990; Бетров 1991; Бетров 1998; Цвинария 1990; Ловпаче 1997]; балкаро-карачаевцев [Калоев 1994; Мизиев 1991], нахско-дагестанских народов [Федоров 1996; Марковин 1991; Алиев 2011] и др.

Данные работы основывались на историко-этнографических, археологических, лингвистических и фольклорных данных. Результаты научных изысканий привели к появлению множества различных гипотез и суждений, однако вопрос все же остался открытым, поскольку процесс изучения этногенеза и этнической истории народов сопряжен со многими трудностями (ограниченность или скудность письменных источников, недостаточная разработанность общетеоретических проблем, отсутствие единой методологии) и т.д. В данных условиях исследователям приходится каждый раз обращаться к той информации, кото-

рую нам предоставляют, в первую очередь, археология и этнология, поскольку они дают возможность проникнуть в ранние этапы этнической истории.

В данном контексте важным источником для изучения древней истории и решения широкого круга исследовательских проблем выступает археологический памятник. «Нередко это практически единственный источник для подобных реконструкций, особенно при отсутствии или скудности письменных источников» [Дворников 2011: 62].

Под термином «археологические источники», по утвердившемуся мнению, следует понимать остатки материальной культуры, выявленные в ходе археологических работ. В это определение можно включить и результаты их изучения, которые представляют собой данные стратиграфии, чертежей, иллюстраций, документов. Согласно И.Г. Маркову, «диапазон вещественных объектов исследования, попадающих под определение «археологический источник», достаточно широк. Он включает, как единичные предметы и объекты, например орудия труда, украшения, наскальную живопись, так и целые археологические комплексы-курганы, древние поселения, могильники и городища» [Марков 2018: 32].

Как важная и неотъемлемая часть культурного наследия, такие комплексные сооружения очень часто оказываются в поле зрения этнологической науки. Многие регионы России богаты уникальными историческими памятниками, в их числе и Северный Кавказ [Юринов 2020: 181-182].

Эта территория, где происходили важные культурно-исторические процессы, которые оказали влияние на особенности хозяйственной деятельности, сформировали антропологический и культурно-генетический код народов, населяющих данную местность. Сложные пути эволюции этносов в результате миграций и этнокультурных взаимодействий отразились и на лингвистическом разнообразии региона.

Накопленные десятилетиями археологические материалы свидетельствуют о том, что Северный Кавказ был одним из древнейших металлургических центров в мире, наряду с Передней Азией (Междуречье р. Тигр и р. Евфрат) и Древней Анатолией (территория современной Турции).

Большое количество памятников эпохи бронзы найдены по всей территории региона на протяжении достаточно длительного периода изучения, начиная с конца XIX в. до наших дней. Останавливаться и анализировать эти результаты мы не будем, поскольку в научной литературе они давно известны и основательно разработаны. В контексте нашего исследования большой интерес представляют такие археологические памятники, как разновременные погребения, встречающиеся в отдельном погребальном комплексе – кургане.

Цель данной статьи – проанализировать погребальный комплекс Камлюкского кургана, сравнить советскую и современную методики определения хронологических рамок археологических культур и установить отличия, обозначить изменения, верифицировать культурную принадлежность погребений Камлюкского кургана.

Задачи исследования: выявить типологические особенности погребений; определить хронологические рамки погребальных комплексов Камлюкского

кургана с учетом новых подходов и исследований; провести этнологическое исследование и выявить особенности погребальной обрядности; изучить и определить подходы при обосновании этнической составляющей археологических культур.

Камлюкский курган исследуется как отдельный пример или образец определенного комплекса археологических памятников, выявленных на обширной территории Центрального Предкавказья и относящихся к конкретной археологической культуре. Вопрос рассматривается с точки зрения того, что археологический памятник является наследием устоявшейся археологической традиции, а этнос рассматривается с позиции вероятностного совпадения или отождествления с определенной археологической культурой. Аналогичные, схожие с Камлюкскими погребениями памятники (с каменными ящиками) были исследованы на территории Центрального Предкавказья и Пятигорья еще в советское время: погребения близ с. Верхний Акбаш, курган у аула Хатажукинский, курган № 8 у ст. Келермесской, курган у ст. Петропавловской, курган № 1 у сел. Старый Урух и пр. [Чеченов 1965: 302].

По словам И.М. Чеченова, «эволюция погребального обряда в зависимости от стратиграфического уровня могил, а также наличие в кургане одновременно каменной обкладки с опорой и кромлеха, относят Камлюкский курган к числу весьма интересных по конструкции погребальных памятников, заслуживающих тщательного исследования» [Чеченов 1965: 302].

Актуальность выбранной темы объясняется тем, что в настоящее время назрела необходимость в пересмотре и дополнении некоторых аспектов, ранее исследованных памятников. Можно выделить несколько причин, объясняющих значимость проведения данного исследования.

1. На современном этапе развития науки в вопросе определения хронологических рамок археологических культур произошли существенные изменения. В связи с появлением новых методов исследования (радиоуглеродный, радиоуглеродный) ранее признанные и доминировавшие в советской и отечественной историографии суждения подвергаются корректировке.

2. Этнографическое описание, анализ погребальной обрядности Камлюкского кургана не входили в круг интересов отечественных ученых, ранее обращавшихся к их изучению, проводилось лишь археологическое исследование.

3. В этнологической и археологической науке остро стоит проблема определения этнической принадлежности как «носителей» археологических культур, так и «строителей» археологических памятников. Ведутся дискуссии о правомочности использования такой аналогии как «археологическая культура – этнос».

Камлюкский курган был обнаружен в полуразрушенном состоянии, и по некоторым погребениям имеющаяся информация недостаточно полная, но это не должно снижать исследовательский интерес, археологическую значимость объекта и степень доверия к нему как к источнику. В этом вопросе мы солидарны с отечественным археологом В.А. Алексиным, который утверждает: «Нельзя игнорировать разрушенные и разграбленные захоронения, а также

могильники, раскопанные много лет назад. Все эти материалы необходимо тщательно проанализировать, чтобы извлечь из них тот объем информации, который в них еще сохранился» [Алексин 1981: 8].

Данное утверждение и обозначенные выше положения обуславливают актуальность и новизну данной статьи.

Объектом изучения является Камлюкский курган эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья.

Предметом исследования являются погребальные сооружения, остатки захоронений, вещественные артефакты и погребальная обрядность.

Обозначенные нами проблемы находятся на стыке двух наук: археологии и этнологии, отсюда закономерно вытекает использование нами термина «этноархеология».

Данный термин появился в науке во второй половине XX в. и получил свое развитие в результате интеграции археологических и этнологических исследований. Это в свою очередь привело к возможности решения большого круга проблем по истории культуры и общества с использованием археологического и этнологического подходов. С конца 1970-х гг. происходило наращивание теоретических и историографических исследований в области объединения археологических и этнографических знаний (работы С.А. Арутюнова, В.В. Боброва, В.Б. Богомолова, И.Г. Глушакова, А.В. Головнева, А.В. Жука, Л.С. Клейна, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова, А.М. Хазанова и др.). Группы исследователей – этноархеологов сложились в Москве, Омске, Кемерове, Сургуте, Ижевске, Томске и некоторых других городах России [Томилов 2001: 23]. Также следует отметить IX Международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований», который проходил с 20 по 23 сентября 2001 г. в Нальчике под председательством Н.А. Томилова – академика, профессора, член-корр. РАН. По результатам семинара вышел сборник научных трудов «Интеграция археологических и этнографических исследований», Нальчик – Омск, 2001.

Методы исследования. Использование этно-археологической методики вместе с другими методами исследований является перспективной для анализа и интерпретации памятников бронзового века Кабардино-Балкарии. В данной статье используется *метод археолого-этнографического моделирования*. Суть данного метода заключается в проведении исследования путем использования археолого-этнографического сопоставления, а также этнографического осмысления археологических остатков и ситуаций, анализа и синтеза функциональных связей для воссоздания и реконструкции археологического бытия.

Этнографические свидетельства позволяют вложить в погребальный обряд реальное историческое значение, реконструировать прошлое, используя мировоззренческие и этнопсихологические особенности мышления древнего общества.

По словам известного археолога Л.С. Клейна: «Чтобы реконструировать прошлое, восстановить исторический процесс, каждая из источниковедческих наук нуждается в других. И этнология, и археология поставляют свои выводы истории, социологии, культурной антропологии и для понимания своих

материалов постоянно обращаются к этим синтезирующим наукам, заимствуя, таким образом, информацию, поставленную теми, другими источниковедческими науками и переработанную синтезом. В этом нуждаются обе науки – и археология, и этнография» [Клейн 1998: 97-105].

Изучение археологических культур, в большинстве случаев, ведется на основе анализа погребального обряда и рассматривается в двух аспектах: знаково-символическом и структурно-аналитическом. Погребальный объект, по сути, является овеществленным итогом самого действия – погребальной церемонии. В рамках лишь одной археологии невозможно восстановить этот процесс, который предполагает наличие культовой обрядности. В такой ситуации на помощь приходит этнология. После проведения тщательного исследования и сопоставления данных археологии и этнографии, выясняются многие неизвестные стороны и причинно-следственные связи изучаемых процессов [Дворников 2011: 63].

Археологическое исследование типологии и стратиграфии погребений, с одной стороны, и этнографическое изучение обрядов захоронения, с другой, позволяют решить проблемы установления хронологических рамок, реконструкции мировоззренческих и религиозных представлений, определения преемственности археологических культур и проясняют некоторые стороны ранней этнической истории.

Изучение погребальной обрядности дает значимую информацию не только в идеологическом разрезе, но и ведаёт о социальных, половозрастных, этнических и, возможно, даже экономических различиях древнего населения. И соответственно, является незаменимым источником для многих областей науки: истории, археологии, антропологии, палеогеографии, этнографии и т.д.

Примечателен тот факт, что в научном архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН накоплен богатый археологический материал различных погребальных комплексов эпохи бронзы, который необходимо проанализировать с точки зрения новых подходов, выделения этнографических особенностей обрядовой и ритуальной деятельности.

По структуре статью можно разделить на две части: археологическую и этнографическую.

Но прежде, чем приступить к детальному исследованию Камлюкского кургана проведем небольшой экскурс в историю изучения археологических памятников Кабардино-Балкарии, чтобы имелось представление о том, в каких условиях и на каком этапе изучения древностей были открыты те или иные памятники, имеющие научно-исследовательскую значимость, в том числе и Камлюкский курган. Ознакомимся с основными трудами по археологии Кабардино-Балкарии, ставшими настольной книгой для многих поколений, интересующихся археологией и древней историей региона. Эти работы учтены в нашей статье, поскольку содержат ряд важных публикаций, непосредственно относящихся к теме исследования статьи.

В послевоенные годы становление местной археологической науки было связано с именами А.А. Миллера, М.И. Ермоленко, А.А. Иессена, А.П.

Круглова, Е.Ю. Кричевского, Б.Е. Дегена-Ковалевского, Е.И. Крупнова, П.Г. Акритаса и Г.И. Ионе [Фоменко 2016: 135]. Повышение общественного интереса к древностям, совместная работа московских и местных специалистов, увеличение финансирования археологических экспедиций способствовали достижению значительных результатов в области реконструкции древнейшей истории народов Кабардино-Балкарии [Кузьминов, Мамхегова 2018: 58].

Совершенствуется методика полевых исследований (новая землеройная техника, аэрофотосъемка), остро встают проблемы применения естественно-научных методов в археологии и этнологии, возрастает интерес к теории и истории самой науки. Пристальное внимание стали уделять вопросам этногенеза и этнической истории, что отразилось на необходимости продолжения дальнейших археологических раскопок, систематизации имеющихся данных и создания обобщающих трудов по древнейшей истории народов СССР [Волков 1980: 11].

С этой целью, в ряде регионов страны, в том числе Кабардино-Балкарской АССР, начались полномасштабные археологические и этнографические исследования. В.А. Фоменко обращает внимание на то, что «археологические работы велись разведочного характера для создания древней и средневековой региональной истории, что нашло отражение в обобщающих публикациях» [Фоменко 2016: 136].

Благодаря упорному труду и высокой квалификации специалистов, изучающих древнюю историю края, научная литература пополнилась замечательными работами. Так в 1969 г. в результате тщательного сбора и проработки почти всех имеющихся публикаций и сведений о древностях республики археологом, научным сотрудником Кабардино-Балкарского НИИ И.М. Чеченовым была опубликована книга «Древности Кабардино-Балкарии», не теряющая своей актуальности и сейчас. Последующие годы тоже были ознаменованы появлением обобщающих трудов. В 1984 г. под редакцией В.И. Марковина вышел труд «Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг.», где была дана подробная характеристика, систематизация и анализ археологического материала эпохи бронзы, полученного при раскопках могильников в районах новостроек КБАССР.

С рубежа 50-60-х гг. XXв. в Кабардино-Балкарии прослеживается «эпоха экспедиций».

В 1963 г. Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом под руководством начальника археологической экспедиции Г.И. Ионе были проведены раскопки в Зольском и Терском районах. В экспедиции также приняли участие И.М. Чеченов (начальник Пархеологического отряда), А.М. Руднев (фотограф) и М.А. Вершков (шофер). Подробное описание результатов исследования содержится в отчетах, хранящихся в Научном архиве ИГИ КБНЦ РАН: Г.И. Ионе «Отчет о полевых работах археологической экспедиции в 1963 году» [НА ИГИ КБНЦ РАН 26]; И.М. Чеченов «Отчет о работе II отряда археологической экспедиции КБНИИ за 1963 г.» [НА ИГИ КБНЦ РАН 51]. При подготовке данной статьи были использованы материалы из этих источников. Некоторые результаты исследований по данной теме были опубликованы И.М.

Чеченовым в книге «Древности Кабардино-Балкарии» [Чеченов 1969: 23], в качестве материала к археологической карте республики, и в статье «Новый памятник северокавказской культуры» [Чеченов 1965: 297-306]. В первой работе автор дает краткое описание Камлюкского кургана с иллюстрациями, обозначает его принадлежность к той или иной эпохе или культуре, выделяет хронологические рамки, во второй делает более подробную характеристику раскопанных погребений, анализирует найденные артефакты и выделяет типологические особенности захоронений.

Погребальные комплексы Камлюкских курганов не отличаются обилием вещественных артефактов. Однако особенности погребального сооружения и обряда, а также найденные керамические и металлические изделия свидетельствуют о том, что данный памятник является одним из наиболее убедительных примеров существования на Центральном Предкавказье, и в частности на территории Кабардино-Балкарии, выделенного В.И. Марковиным локального варианта северокавказской культуры, который получил название Центральный. Данный вариант был определен из общих признаков, которые прослеживались в керамике, типах каменных топориков и погребальных сооружений [Марковин 1960: 125]. Северокавказская археологическая традиция прослеживается в погребениях № 1 и № 3. По всем признакам их можно отнести к кабардино-пятигорской группе памятников Центрального (локального) варианта северокавказской культуры [Марковин 1960: 125-126].

Захоронения № 4 и № 5 занимают промежуточное или переходное положение, поскольку в погребальном обряде прослеживаются признаки как ранней, так и средней бронзы, а погребение № 6 относится к майкопской археологической культуре.

Археологическая культура – этнос.

Проблема соотношения и интерпретации

При определении этнических истоков исследователи древней истории обращаются к термину «археологическая культура». Существует множество ее трактовок, но доминирующим в науке является формулировка: «Совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты» [Каменецкий 1970: 20-21]. Принадлежит она известному российскому археологу Игорю Сергеевичу Каменецкому.

Идея выделения археологической культуры и отождествления ее с конкретными этносами восходит к работам британского археолога, историка Гордона Чайлда [Childe 1956: 154]. Данная концепция стала достаточно популярной в советской научной среде и была взята на вооружение многими исследователями в качестве теоретической основы. В частности, этим подходом руководствовался советский исследователь А.П. Смирнов, который предложил научному сообществу свою интерпретацию. Термин «археологическая культура, согласно утверждению автора, должна применяться по отношению к памятникам одного времени, располагаться на строго очерченной территории, отличаться своеобразными чертами материальной культуры и должна отражать реалии этноса и языковые границы» [Смирнов 1964: 3-5].

Данную научную традицию разделяют не все исследователи. На сегодняшний день все популярней становится точка зрения на археологическую культуру, как на аналитическую категорию (не как материальное выражение социальных групп и народов), функция которого заключается в описании близких между собой групп памятников [Крадин 2009: 10]. По утверждению А.Х. Борова: «...археологическая культура в строгом смысле является формальным, классификационным понятием, нельзя говорить о ее совпадении с социальной общностью. Правомерно рассматривать археологическую культуру как научную конструкцию, соотносимую с социальной общностью. Социальные общности в археологии обычно отождествляются с этносом, но есть ещё и этно-социальный организм, и социальный организм, и группы, принадлежащие к одному хозяйственно-культурному типу. Таким образом, всегда существует хотя бы несколько потенциальных возможностей интерпретации конкретной археологической культуры. Общий вывод из этих положений заключается в том, что этноязыковая атрибуция археологических культур должна осуществляться с большой осторожностью» [Боров 2023: 18-19]. Эта позиция достаточно убедительная и заслуживает особого внимания, но вместе с тем, стоит признать, что применительно к древнейшей истории, где приходится обращаться к огромному периоду прошлого и обширным территориям, мы просто не располагаем иными способами выделения, помимо организации археологических материалов в определенную систему – археологических культур. Это пока единственный способ реконструкции этнической истории дописьменной древности в археологии.

Вопрос определения этнической составляющей Камлюкских погребений, как и целого ряда аналогичных комплексов, достаточно сложен, проследить за единством погребального обряда, который в большей степени носит религиозный характер, конкретный этнос – задача не из простых. Типология и статистика, используемые в археологии, дают только внешнюю оценку некоторых культурных элементов и не раскрывают их внутренний смысл. Но это не означает, что работа в этом направлении не должна вестись.

Взяв на вооружение существующие определения, и руководствуясь имеющимися данными, которые были проанализированы в последующих частях статьи, погребения Камлюкского кургана можно отнести к двум археологическим культурам: майкопской и северокавказской. Они последовательно сменялись в ходе исторического процесса и имели генетические связи между собой. Об этом свидетельствуют как сам погребальный обряд, установленные хронологические рамки, так и характеристика положений костных останков. Закономерности размещения тела в могиле, придание ему определенной «канонической» позы служит, по наблюдениям некоторых исследователей, культурно-диагностирующим признаком и не вызывает сомнений [Зайцева, Ражев 2007: 84].

В отечественной археологии памятники майкопской культуры рассматриваются как основа древностей средней бронзы. Вопрос о генетической преемственности двух археологических традиций затрагивался многими исследователями (В.И. Марковин, А.А. Формозов, Р.Ж. Бетров, Р.М. Мунчаев, И.М. Чеченов и др.).

В контексте взаимосвязи вышеназванных культур с абхазо-адыгским этносом проблему рассматривали А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, Г.А. Меликишвили, В.И. Марковин, З.В. Анчабадзе, Р.Ж. Бетров, Н.Г. Ловпаче, А.А. Максидов, Б.Х. Бгажноков и др.

Используя достижения археологической и этнологической науки, им удалось доказательно показать, что культура абхазо-адыгов имеет достаточно глубокие корни и сопоставима с древними археологическими культурами региона, которые находились в тесной взаимосвязи со многими территориями (Передняя Азия, Ирак, Сирия), которые выходили далеко за пределы Кавказа.

Данный вопрос обстоятельно рассматривался в исследованиях Р.Ж. Бетрова. Отличительной особенностью его работ является использование междисциплинарного подхода, анализ и комплексное использование данных смежных наук: антропологии, археологии, истории, этнологии, лингвистики и исторического фольклора. Результаты научных изысканий Р.Ж. Бетрова отражены в ряде монографий и научных статей. Среди них следует отметить фундаментальные монографии «Происхождение и этнокультурные связи адыгов» [Бетров 1991] и «Адыги: возникновение и развитие этноса» [Бетров 1998]. В этих работах автор выдвинул много новых и обоснованных положений. Особое внимание было уделено проблеме этнического развития адыгов в Центральном Предкавказье. По утверждению Р.Ж. Бетрова, определенная часть древнейших адыгов располагалась в центральных районах Северного Кавказа уже с III тыс. до н.э., а Западный Кавказ являлся периферийной областью хатто-абхазо-адыгского единства, родство между которыми, являлось не итогом миграций, а следствием территориальной и этногенетической близости [Бетров 1998: 3-5]. По вопросам генезиса и этнической принадлежности майкопской культуры автор отвергает миграционную версию и отстаивает ее местное происхождение. Вместе с тем, он отмечает и влияние переднеазиатских цивилизаций в эволюции данной археологической традиции [Бетров 1998: 4-5].

С точки зрения переднеазиатских и анатолийских связей данный вопрос рассматривался также известным исследователем в области генеалогии и геральдики Северного Кавказа А.А. Максидовым. В работе «Адыги и народы Причерноморья» рассматриваются этногенетические и культурные связи адыгов с народами Причерноморья и Анатолии. В данном исследовании автор использует генеалогический подход в изучении истории взаимоотношении народов, адыго-анатолийское взаимодействие рассматривается с периода хаттского времени, упоминаются известные в науке сведения о хаттско-кавказских связях. А.А. Максидов обращает внимание, на их этническую и региональную взаимосвязь и утверждает, что Хаттусас и район современного Майкопа в течение III тыс. до н.э. являлись наиболее важными центрами древней абхазо-адыгской общности [Максидов 2003: 4].

Новейшие данные о происхождении, хронологии и расселении носителей майкопской культуры приведены в статье Б.Х. Бгажнокова «Майкопская культура и проблемы древнейшей истории адыгов» [Бгажноков 2011: 5-13]. Он дает общую характеристику майкопской культуры, отмечает современную хронологическую позицию, которая охватывает IV–III тыс. до н.э., и опираясь на совре-

менные исследования отечественных археологов аргументирует версию о существовании домайкопской или предмайкопской эпохи развития местных племен. На основании результатов археологических раскопок автор включает в сферу влияния майкопской культуры степные районы к северу от Кавказа: Приазовье, Нижнее Поднепровье, Приманычье. Таким образом, он значительно расширяет ареал распространения данной культуры и поддерживает концепцию существования «степного майкопа», где отмечаются «обратные» степные влияния на майкопскую культуру. Не обходит стороной Б.Х. Бгажноков и проблему возникновения и распространения майкопской культуры. Совершенно очевидной и бесспорной, с точки зрения автора, является хронологическая связь находок майкопской культуры с аналогичными находками в Северной Месопотамии, Сирии, Восточной Турции и Ирака. Массовый характер распространения и распределения майкопской культуры в ареале Северного Кавказа, по утверждению автора, несет в себе определенную этногенетическую информацию, которая, прежде всего, связана с абхазо-адыгскими племенами [Бгажноков 2011: 5-11].

Более сдержанная позиция по вопросу этногенетической взаимосвязи «майкопцев» с хатто-абхазо-адыгским этническим массивом наблюдается у С.Н. Кореневского, который несколько критически оценивает возможность «безусловного» определения этнической принадлежности носителей майкопской культуры. Однако, в сравнении с другими версиями об индоевропейском, семитском или же тюркском происхождении данной культуры, все же адыго-абхазо-хаттскую линию признает менее уязвимой, с научной точки зрения, и считает, что эта концепция содержит в себе больше исторической правды [Кореневский 2004: 97].

Этнографические параллели и результаты археологических исследований, по утверждению исследователя из Адыгеи Н.Г. Ловпаче, свидетельствует о преемственной связи «майкопцев» с абхазо-адыгами. Автор также обращает внимание на поразительное сходство циновок, как элемента похоронного обряда, выявленных в курганных захоронениях, с произведениями древнейших промыслов черкесов – плетеными циновками из болотной травы. Близ г. Тимашевска в майкопских курганах были обнаружены циновки («пIуаблэ»), которые лежали под покойниками. Их форма, геометрический орнамент, техника плетения аналогичны современным изделиям адыгских мастеров [Ловпаче 2019: 82].

Таким образом, доказательная база, представленная исследователями, вполне очевидно раскрывает важные вопросы взаимосвязи и взаимодействия майкопской культуры с протоабхазо-адыгскими племенами и подтверждает их этногенетическую близость. Рассматривать культуры эпохи ранней и средней бронзы Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа в отрыве от объективных исторических реалий и этнических общностей, которые веками проживали на исследуемых территориях (абхазо-адыгов) невозможно. Ареал расселения абхазо-адыгов практически полностью совпадает с географией раскопок майкопской и северокавказской археологических культур, из чего и вытекает их соотнесение. Концентрация выявленных памятников свидетельствует о том, что носители майкопской, а позднее и северокавказской культуры занимали следующие области: Прикубанье, Кабардино-Пятигорье, бассейны Кубани и ее притоки, а также Баксана, Чегема и других рек [Боров 2023: 21].

Что касается отличий в погребальном обряде, они скорее связаны с ментальными и мировоззренческими изменениями, нежели с появлением представителей других этносов. Смена археологических культур необязательно означает появление одних народов и исчезновение других. Глубокие трансформационные перемены, происходящие в результате сложных, культурно-исторических процессов, могут отражаться в изменении, как погребальной обрядности, так и вещественных артефактов в результате прогресса производительных сил межэтнического и межкультурного взаимодействия с сохранением своего этнического ядра.

По утверждению А.Х. Борова, «...не подвергается сомнению автохтонность этнических общностей (этносов), частью которых являются кабардинцы, их глубокая укорененность в регионе Центрального и Северо-Западного Кавказа. В научной литературе ни по одному из периодов древней истории Северного Кавказа и ни по одной из культурно-исторических общностей бронзового и раннего железного века не исключается присутствие кавказских предков адыгов и не утверждается их пришлый характер» [Боров 2023: 55].

Вопрос больше заключается в том, какими путями можно проследить эту связь, реконструировать прошлое, от которого, помимо вещественных, фрагментарных источников, ничего не осталось. Разработка проблемы активно ведется, у отечественных археологов и этнологов накоплен большой теоретический и практический опыт исследований, однако проблема привязки конкретного этноса к археологическим культурам на сегодняшний день не решена и является предметом научных споров. Ситуация осложняется ограниченностью имеющихся материалов, противоречивостью интерпретаций, недостаточностью методологических приемов. Ни археология, ни этнология не выработали конкретных инструментов, строго определяющих этнические показатели, которые легли бы в основу этногенетической реконструкции. Требуются дальнейшие исследования с привлечением новых методов и подходов. Важно также участие полевых этнографов и антропологов в археологических раскопках, что не особо практикуется у нас в стране. В результате, при описании вскрытых погребений дается неполная или же недостоверная информация. В проводимых археологических и этнологических исследованиях необходимо активнее привлекать результаты нового направления в молекулярной биологии – ДНК генеалогии, поскольку методы этой науки позволяют говорить о датах происхождения человека как вида и миграциях (переселении) предков человека.

Типология погребений

Камлюкский курган был обнаружен во дворе колхозника Х. Пшибиева и находился в полуразрушенном состоянии, так как велись работы по увеличению площади приусадебного участка, насыпь была до основания снесена и выровнена по всему двору.

Под насыпью Камлюкского кургана было обнаружено 6 погребений, одно погребение грунтовое, остальные пять находились в каменных ящиках прямоугольной формы. Один каменный ящик был «исследован» сельчанами до приезда археологического отряда, поэтому его описание было составлено по незна-

чительным остаткам. Одно впускное погребение располагалось на высоте 0,5 м. от уровня насыпи, датировать его так и не удалось, так как остались только фрагменты костей и отсутствовали другие материалы, но можно предположить, что он появился позже остальных, поскольку впускные погребения характерны для более поздних культур.

*Рисунок 1. Каменные ящики Камлюкского кургана
[НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 7]*

Каменный ящик 1. Находился в юго-восточном секторе кургана, был сооружен из цельных плит и имел размеры: длина 223 см, ширина 88 см, высота 60 см. В погребении лежал скелет, предположительно женщины, ориентированный головой на север, на спине, в вытянутом положении. Сведения о расположении рук оказались противоречивыми: вытянутые – по утверждению одних, и расположенные у паха – по сведениям других. В ящике были обнаружены кости овцы (ребра и позвонки). На дне ящика была зафиксирована редкая постилка из углей. В погребении были обнаружены 11 «листовидных подвесок» и глиняный сосуд, который имел шаровидное тулово и относительно небольшой диаметр дна. Горло довольно широкое, умеренной высоты, венчик отогнут едва заметно, почти прямой. Цвет поверхности сосуда бурый, местами темный, по излому – цвет серый. Глина неочищенная, с большой примесью толченого известняка и песка. Плечики сосуда были украшены геометрическим орнаментом, представляющим равносоставленные треугольники, обращенные углами вниз. Вдоль боковых сторон треугольников были нанесены эллипсоидные в плане насечки – вдавлины, остальная часть сосуда выполнена веревочным штампом [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 3-4].

Каменный ящик 2. Был разрушен до основания и разобран весь инвентарь, поэтому получить какие-то точные сведения не удалось.

Каменный ящик 3. Был расположен в северо-западном секторе кургана. Ящик обложен кусками плит и булыжником и завален сверху камнями, стены состояли из четырех цельных плит и имели размеры: длина – 210 см, ширина – 108 см, высота – 60 см. Внутри лежал скелет мужчины, на спине, головой на восток. Руки были вытянуты по бокам. Костей левой ноги не оказалось. Все

остальные кости имели достаточно хорошую сохранность. Около головы погребенного с правой стороны лежал глиняный сосуд, обращенный дном к черепу, а с левой – каменный топорик. Сосуд имел шаровидное тулово, относительно малый диаметр дна при довольно большом диаметре и высоте горла. Венчик умеренно отогнут. Выпуклость плечиков ярко выражена. К горловине была прикреплена одна плоская ручка. Лепка ручная из глины хорошего качества, с небольшой примесью песка [НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 7].

По наблюдениям И.М. Чеченова, несмотря на едва уловимые диспропорции по форме, сосуд с его тонкими, равными стенками и строгими очертаниями является замечательным образцом ручной лепки и напоминает средневековые кувшинчики, как бы являясь их далекими прототипами [Чеченов 1965: 299-300].

Обнаруженный топор был изготовлен из серого серпентинита (змеевика) с желтыми, белыми и черными вкраплениями, поверхность была отполирована до зеркального блеска [НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 7].

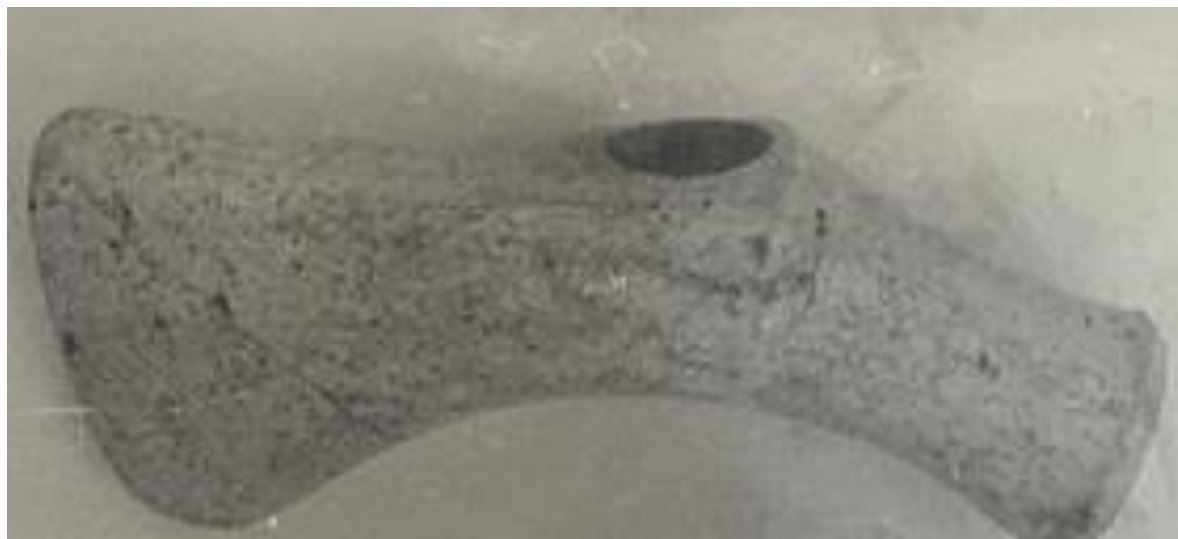

Рисунок 2. Каменный топор кабардино-пятигорского типа
[НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 9]

Данный топор известен в археологии под названием «топорик кабардино-пятигорского типа», подобные топоры имели достаточно широкое распространение на территории Центрального Предкавказья. Говоря о данной находке, И.М. Чеченов отмечает, что «точность сверления и строгая симметричность форм, делает топорик великолепным образцом техники обработки камня и предшественником некоторых образцов знаменитых кобанских топоров» [Чеченов 1965: 299].

Каменный ящик 4. Обнаружен в северо-западном секторе. Размеры ящика: длина – 207 см, ширина – 77 см, высота – 60 см; был сооружен из четырех цельных известняковых плит и обложен со всех сторон булыжником. В четвертом погребении находились остатки мужского скелета, очень плохой сохранности, располагался на правом боку в слабо скорченном положении, головой на север и северо-восток, руки были слегка согнуты в локтях. Из инвентаря найде-

на только зернотерка, которая располагалась у затылка погребенного [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 10].

Каменный ящик 5. Обнаружен рядом с каменным ящиком № 4, был покрыт шестью плитами в два слоя. Размеры ящика следующие: длина – 120 см, ширина – 106 см, высота – 70 см. В данном погребении лежал скелет, предположительно молодой женщины, в сильно скорченном положении, на правом боку, голова была ориентирована на юго-запад. Рядом с погребенной была обнаружена каменная зернотерка [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 11].

Погребение 6 – грунтовое, находилось ниже основания насыпи кургана. Скелет оказался очень плохой сохранности, лежал на правом боку головой на северо-восток, в сильно скорченном положении. Он был сильно посыпан охрой. В погребении инвентаря не оказалось [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 12].

Хронология погребальных комплексов

В археологии применяются две системы датировки: относительная и абсолютная. Относительная хронология для определения порядка событий и явлений использует различные способы исследования: стратиграфию (изучение культурных слоев), сравнение (керамика, оружие, украшения и пр.), анализ и фиксирование трупоположения (вытянутое, скорченное) и т.д.

Абсолютная хронология основывается на точных числовых значениях: годы, месяцы, дни. Она позволяет установить конкретные даты событий, используя радиоуглеродный анализ – этот метод основан на измерении концентрации радиоактивного изотопа углерода – ^{14}C в исследуемом образце. Говоря о временных рамках погребальных комплексов Камлюкского кургана, мы полагаем, что привлечение новейших исследований, основанных на радиокарбонных (радиоуглеродных) данных позволит получить дополнительную информацию для уточнения и внесения поправок в имеющиеся научные разработки.

Чтобы прояснить ситуацию с хронологическим определением исследуемого объекта, сначала проанализируем советскую историографическую традицию, затем перейдем к новым подходам (исследованиям) и обозначим наше видение проблемы.

При установлении временных рамок археологических культур и памятников, в том числе и Камлюкского кургана, советские исследователи пользовались методами относительной датировки. Хронологическая реконструкция осуществлялась путем сопоставления вещественных артефактов, выделения и сравнения типологических особенностей погребальных сооружений и классификации костных останков, исходя из их ориентировки и расположения в захоронениях. Исследователи сошлись во мнении, что выявленные погребальные комплексы, за исключением одного грунтового (майкопская культура), являются наследием северокавказской археологической традиции, разногласия касались внутренней периодизации, одни относили к началу, другие – к середине, а третьи – к концу средней бронзы.

Здесь следует отметить, что общность археологических памятников среднего бронзового века, которая занимала обширную часть Северного Кавказа, исследователи обозначают, как северокавказскую. По определению хронологи-

ческих рамок существования этой культуры в науке бытуют различные суждения. Традиционной и устоявшейся в науке считалась датировка, предложенная археологом В.И. Марковиным (2300/2100-1400/1200 гг. до н.э.) с трехэтапной внутренней периодизацией [Марковин 1994: 283]. В рамках этой периодизации и рассматривались погребальные комплексы Камлюкских курганов. На сегодняшний день данное определение хронологических границ северокавказской археологической культуры претерпело существенные изменения, о чем мы будем говорить далее, после рассмотрения предположений и выводов, которые были сделаны советскими исследователями.

Хронологические рамки захоронения в *каменном ящике № 1* были установлены по обнаруженному сосуду из керамики и металлическим подвескам. По мнению археолога-кавказоведа Е.И. Крупнова, подобные подвески и сосуды относятся к середине II тыс. до н.э., периоду бытования на Северном Кавказе северокавказской археологической культуры [Крупнов 1957: 156-157]. Данное определение поддержал В.И. Марковин, который отмечал, что «богатый орнамент из оттисков шнура в комбинациях со спиралькой и вдавлениями треугольного штампа появляется в период расцвета северокавказской культуры и относится к середине II тыс. до н.э. (1700-1500 гг. до н.э.)» [Марковин 1960: 88].

Археолог И.М. Чеченов датировал его третьим этапом (1500-1000 гг. до н.э.) северокавказской культуры, приняв во внимание, что артефакт имеет сходство с обнаруженными в курганах близ селения Верхний Акбаш, керамическими изделиями (форма, цвет черепка, малый диаметр дна, высокая шейка и т.д.) [НА ИГИ КБНЦ РАН 51: 8-9].

Что касается металлических подвесок, исследователь Б.Е. Деген-Ковалевский находит их многочисленные аналогии в виде выпуклого овального листика с петелькой в разных районах Кабардино-Балкарии (с. Кызбурун III, с. Светловодское, район Дома Советов) и определяет время их бытования II тысячелетием до н.э. без выделения отдельных этапов северокавказской культуры [Деген-Ковалевский 1941: 260-262].

Каменный ящик № 2 оказался полностью разрушенным, инвентаря не оказалось, датировать не удалось.

В *каменном ящике № 3* основанием для выделения хронологических рамок явился каменный топорик «кабардино-пятигорского типа». По утверждению В.И. Марковина, такие топоры относятся к середине II тыс. до н.э. и за пределами Северного Кавказа встречаются крайне редко, что свидетельствует о его местном происхождении. Основные находки топориков охватывают территории Кабардино-Балкарии и Пятигорья, поэтому их в науке называют «кабардино-пятигорскими» [Марковин 1960: 100].

Однако новейшие исследования говорят о том, что ареал распространения этих топориков выходило за рамки Северного Кавказа.

Сходный топор находили в Подонье из погребения 6 кургана 5 в могильнике Западный (Ростов-на-Дону) маньчжурской катакомбной культуры [Братченко 1976: 98].

Отдельные собрания каменных топоров с территории Южного Зауралья также подтверждают факт их распространения за пределами Центрального

Предкавказья. В фондах Челябинского областного краеведческого музея «Ар-каим» хранятся 7 топоришков кабардино-пятигорского типа. Эти находки были обнаружены на многослойных археологических памятниках Челябинской и Оренбургской областей: укрепленные поселения Аландское, Журумбай, Куйсак, могильник Калмыцкая Молельня и поселение Каменная Речка I [Молчанов, Валиахметов, Букачева [и др.] 2024: 264].

По результатам археологических раскопок, установлено, что находки топоров кабардино-пятигорского типа на Южном Урале локализуются в той местности, где располагались носители культуры Синташта.

Исследователи полагают, что данные топоры появились здесь в результате технологического заимствования синташтинскими металлургами Южного Урала навыков металлопроизводства у населения Северного Кавказа, что говорит о существовавших устойчивых связях между регионами в то время.

На страницах журнала «Поволжская археология» об этом пишут Н.Б. Виноградов и Р.К. Хайратдинов: «Появление каменных топоров кабардино-пятигорского типа не имеет местных корней и является полностью заимствованием из района Северного Кавказа» [Виноградов, Хайратдинов 2018: 100].

Вопрос о прародине артефактов не вызывает сомнений, однако дискуссионным является определение времени их появления на территории Южного Зауралья.

Д.В. Нелин, проанализировав типологию каменных топоров, определил их культурно-хронологическую позицию. Появление у населения Южного Урала северокавказских форм каменных топоров он относит к переходному периоду от средней бронзы к позднему бронзовому веку [Нелин 1996: 92], а находку из Юргамышского района датирует XVII-XVI вв. до н.э. [Нелин, Шилов 2004: 282-283].

Казахстанский археолог И.А. Кукушкин в статье «Культурно-исторические истоки и наследие синташтинской культуры» указывает время ее появления концом III тыс. до н.э. [Кукушкин 2018: 73].

Иного мнения исследователь А.В. Епимахов. Используя радиоуглеродные данные, он утверждает, что бронзовый век Южного Урала охватывает период с III по I тыс. до н.э., а синташтинскую культуру относит к 2030-1740 гг. до н.э. следовательно, и бытование топоров кабардино-пятигорского типа можно отнести к выделенным временным отрезкам [Епимахов 2010: 7,16].

Как видим, среди научных кругов нет единого мнения о том, когда возникла синташтинская культура на Южном Урале, следовательно, вопрос о времени появления топоров кабардино-пятигорского типа в данном регионе, который напрямую связывают с обозначенной культурой, остается предметом для дискуссий.

Сам факт установления функционирования каменных топоров указанного типа на Южном Урале и многообразие мнений о времени их существования, говорит о том, что хронологический диапазон бытования этого вида артефактов достаточно широкий. Данное положение также может свидетельствовать о более раннем времени их возникновения и использования, на территории Северного Кавказа учитывая и тот факт, что эпоха бронзы Южного Урала имеет более поздние хронологические рамки.

С.Н. Корневский, по результатам исследования 44 погребальных комплексов, пришел к выводу о том, что топоры кабардино-пятигорского типа были распространены в период со второй половины III по вторую половину II тыс. до н.э. [Корневский 1993: 85].

Большая работа по классификации и определению хронологии каменных топоров средней бронзы была проделана А.А. Клещенко, специалистом по эпохе ранней и средней бронзы Кавказа. Согласно его заключению, данные топоры являются феноменом конца IV-III тыс. до н.э. К данному выводу он пришел в результате тщательного и всестороннего анализа научной литературы и архивных материалов о 255-ти орудиях, выявленных на территории Центрального Предкавказья с привлечением метода радиоуглеродного датирования [Клещенко 2018a: 165, 176-187].

Таким образом, в результате проведенного анализа обнаруженных артефактов и с учетом особенностей погребального обряда каменные ящики № 1 и 3 следует отнести к началу или первой половине III тыс. до н.э.

Каменные ящики № 4 и 5 были определены Г.И. Ионе как одновременные и хронологически близкие к погребениям 1 и 3 и отнесены к началу II тыс. до н.э. Основанием для этого заключения, как указал исследователь, является однотипность погребальных сооружений их одинаковое устройство, а также нахождение под одной курганной насыпью [НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 10].

Такая же позиция у И.М. Чеченова. По его заключению, погребения 4 и 5 являются случаем парного захоронения, а различную ориентировку погребений объясняет половым различием. Несмотря на отсутствие четкого, «датирующего» инвентаря, автор также утверждает, что каменные ящики № 4 и 5 относятся к началу II тыс. до н.э. В доказательство своих выводов он приводит скорченное положение костяка каменного ящика № 5, опущенные к тазу руки погребенных и стратиграфическое расположение [Чеченов 1965: 302].

На наш взгляд, эти утверждения нуждаются в доработке, поскольку слабо скорченное положение скелета считается характеристикой более древних захоронений. В погребальных комплексах эпохи средней бронзы, в основной массе, встречаются вытянутые на спине костяки.

Погребальный обряд каменных ящиков № 4, 5, как нам видится, значительно отличается от того, что мы проанализировали в 1-м и 3-м погребениях. Захоронения на правом боку с ориентировкой головы на юго-запад превалирует на территории Предкавказья еще с эпохи ранней бронзы. На это обращает внимание А.А. Клещенко [Клещенко 2018b: 33-36] в своем исследовании. Смеем предположить, что данные погребения по времени охватывают переходный период, т.е. конец IV – начало III тыс. до н.э. поскольку в погребальном обряде прослеживаются, как черты ранней бронзы, так и средней.

Погребение № 6 на основании аналогии со скорченными погребениями Нальчикского могильника (№1, 8, 20) также окрашенными охрой, было датировано концом III тыс. до н.э. Исследователи относят это захоронение к майкопской археологической культуре [НА ИГИ КБНЦ РАН 26: 11].

Выводы археологов по последнему погребению достаточно убедительны. В доработке нуждается лишь определение хронологических границ. По новей-

шим данным радиоуглеродных исследований, временем исчезновения в предгорной и степной зоне майкопских памятников, считается конец IV – начало III тыс. до н.э. [Кореневский 2004: 64-70], поэтому датировка данного погребения должна быть изменена в соответствии с этим.

Таким образом, хронологический диапазон основной массы (за исключением одного грунтового захоронения) погребальных комплексов Камлюкского кургана может охватывать период с конца IV тыс. до н.э. до второй четверти III тыс. до н.э.

К такому заключению приходим исходя из проведенного исследования и опираясь на выводы А.А. Клещенко, что «...ранний этап существования северокавказской археологической культуры приходится на конец IV–начало III тыс. до н.э. Во второй четверти III тыс. до н.э. северокавказская традиция распространяется по всему Центральному Предкавказью. На данном этапе основными особенностями северокавказской культуры являются: вытянутое положение костяков с ориентировкой преимущественно на восток и северо-восток, а также инвентарный набор, состоящий из металлических орудий» [Клещенко 2011], что мы и наблюдаем при анализе погребальных комплексов Камлюкского кургана.

Погребальный обряд: этнографическая ретроспектива

Погребальный обряд является совокупностью реальных и символических действий, в основе которого лежит религиозно-идеологическая составляющая. Процесс реализации погребального обряда древних обществ отражен, в первую очередь, в материальных результатах или, иными словами, следах каких-либо действий (сжигание, порядок закапывания и пр.) и вещах (погребальная конструкция, инвентарь) и т.д. [Семенова 2007: 121].

В отечественной археологии и этнологии погребальный обряд является важнейшей характеристикой изучаемых культур, а конструктивные особенности погребальных сооружений легли в основу наименования культурных общностей: ямная, катакомбная, срубная и т.д.

По В.А. Алекшину, погребальный обряд включает в себя набор традиций и материальных элементов: погребальное сооружение, позы умершего, набор инвентаря. Эти компоненты, согласно автору, характеризуют погребальный обряд любой археологической культуры [Алекшин 1981: 3-9].

Обычай погребения в древних обществах преследовало две цели: реальную и иллюзорную. Первая цель заключалась в захоронении умершего, а также в избавлении общества от него посредством исполнения определенных обрядовых действий. Вторая цель предполагала осуществление достойного перехода души умершего в «другой» мир, посредством совершения религиозных предписаний, которые диктовались космогоническими представлениями о мире и загробной жизни [Савченко 1999: 147].

Погребальный памятник, по сути, является многоплановым источником для этнографических реконструкций. В данном контексте погребальные комплексы Камлюкского кургана представляют исследовательский интерес и содержат значимую информацию.

Погребальные сооружения. Погребальные комплексы Камлюкского кургана, за исключением одного грунтового захоронения, представляли собой каменные ящики, образующие замкнутое пространство прямоугольной формы, сложенные из известняковых плит. Подобные конструкции были распространены в эпоху бронзы на территории Предкавказья, Причерноморья и в Крыму [Ольховский 1991: 152]. Наиболее древние традиции захоронения в каменных ящиках встречаются на Северо-Западном Кавказе и в районе Новороссийска с эпохи ранней бронзы [Мунчаев 1975: 269-270].

Возведение прямоугольного жилища с выкладками из каменных плит и распространение каменных ящиков было связано с исчезновением круглоплановых жилищ и появлением новой архитектурной традиции в конце эпохи ранней бронзы. Строительство погребальных камер по примеру реально существовавших жилищ говорит о специфической стороне идеологических воззрений – их представлении о «загробном мире». Сооружение из каменных плит, скорее всего, символизировало новое пространство – дом, в котором должны были присутствовать атрибуты живого человека [Атаев, Ахундов 2021: 123].

Исследователь Л.М. Ильясов отмечает, что «в древности могилы очень часто повторяли земные дома и даже строительный материал для земных и вечных жилищ использовался один и тот же, в зависимости от его доступности» [Ильясов 2009: 28]. По мнению М.Г. Гаджиева, связь жилой архитектуры и погребальных сооружений является «одним из показателей корректирующей роли идеологических представлений, через посредство которых реальные культурно-исторические явления находят отражение в погребальном ритуале» [Гаджиев 1986: 27].

Интересную, можно даже сказать, не совсем традиционную мысль, связанную с каменными ящиками, высказал историк И.Л. Кызласов. Данный вид погребального сооружения рассматривается автором, как видоизмененная форма захоронений в естественном каменном окружении – в расщелинах скал, пещерах и горных нишах, «...очевидно, гору, вобравшую умершего в свое нутро, первоначально символизировало погребальное сооружение из камня», – утверждает автор [Кызласов 1999: 173].

Таким образом, несмотря на скудность материала, свидетельствующего о характере поселений и жилищ строителей каменных ящиков Камлюкского кургана, форма и особенности погребальных сооружений говорят о том, что население той эпохи обладало высокой техникой жилищного строительства.

Обнаружение внутри ящиков различных погребальных предметов, таких как украшения, сосуды, орудия труда и оружие указывает на сложность и значимость погребальных обрядов для этого общества. Артефакты, найденные в погребениях, имеют как практическую значимость, так и религиозный смысл. С этнографической точки зрения их следует рассматривать, как поминальные остатки. Процесс погребения в древних, традиционных обществах носит сакральный и мистический характер. Переход из «бытия в небытие» являлось значимым событием, которое сопровождалось обязательно представлениями и действиями иррационального характера. Рассуждая на эту тему, И.С. Каменецкий утверждает, что «...в силу иррациональности представлений, лежащих в основе погребаль-

ных ритуалов, восстановить смысл тех или иных действий при утере традиционного объяснения практически невозможно, поскольку сами действия, словесные и вещественные тексты многозначны» [Каменецкий 1999: 139].

Инвентарь. Инвентарный набор древних захоронений может включать в себя разнообразные предметы. Количество и качество инвентаря зависит от социального статуса погребенного.

В результате раскопок в основном обнаруживаются керамические сосуды различных форм и функций, каменные орудия труда, украшения из различных видов металла, а также останки животных и людей. Несмотря на встречающееся количественное и качественное разнообразие, можно говорить о том, что в древнем обществе, существовал общепринятый набор вещей.

По словам В.С. Ольховского, «...состав традиционного набора определялся религиозно-мифологической концепцией состояния и деятельности человека после смерти, представлениями о путях и способах перемещения в мир иной» [Ольховский 1991: 176].

Инвентарь Камлюкского кургана состоял из керамических сосудов с отогнутым венчиком с вдавленными черточками и линейным веревочным штампом, металлический комплекс был представлен в основном украшениями – листовидными подвесками из так называемой «серой бронзы». В ходе раскопок были выявлены и изделия, выполненные из каменных пород: топорик и зернотерка.

Каменные зернотерки очень часто встречаются в погребениях северокавказской культуры Центрального Предкавказья и, свидетельствует о том, что население занималось земледельческим хозяйством и культивировало различные виды злаков.

По поводу применения и функционирования каменных топоров кабардино-пятигорского типа на сегодняшний день ведутся дискуссии. Исследователь С.Н. Корневский утверждает, что «каменные топоры использовались исключительно как оружие и встречались только в захоронениях мужчин» [Корневский 2019: 95]. Областью распространения каменных топоров кабардино-пятигорского типа, согласно автору, является предгорная зона Предкавказья. Бытование данного вида топоров он связывает с племенами северокавказской культуры с вытянутым обрядом захоронения, которые использовали данное оружие для подчеркивания воинского статуса своих соплеменников [Корневский 2019: 90-98].

Противоположную позицию занимает археолог Н.Б. Виноградов, считающий, что топоры кабардино-пятигорского типа не имеют отношения к военной сфере. Эту мысль он формулирует следующим образом: «Топоры кабардино-пятигорского типа могут быть интерпретированы скорее как материализованные следы устойчивой и обыденной социально-культовой практики, связанной с металлопроизводством, нежели, как предметы вооружения или маркеры воинского статуса» [Виноградов 2018: 280].

Каменный топор, обнаруженный в погребении Камлюкского кургана, выполнял, как нам представляется, культовую, ритуальную функцию, поскольку широкая лопасть лезвия и грибообразный обух не очень были удобны для использования в других целях. Это утверждение применимо конкретно в данном случае.

По результатам многолетних раскопок и исследований археологами были выявлены топоры кабардино-пятигорского типа с различными особенностями: гладкие топоры со слабым изгибом корпуса, без пояса на втулке и выступа на обухе; с лопастным клином, продольным валиком на спинке клина, выступом на диске обуха; с изогнутым коленчатым профилем, расширенным в лопасть клином, пояском на втулке и с выступом-шляпкой на обухе и т.д. [Корневский 2019: 91-92].

Подобное разнообразие, как мы полагаем, может свидетельствовать о многофункциональности данных топоров и использовании их, как в ритуальных целях, так и в практической деятельности.

Почти во всех погребениях встречается разбитая керамика, в основном это сосуды. Данный вид артефактов позволяет раскрыть информацию о верованиях, обычаях и социокультурных аспектах древнего общества и отражает уровень технологического навыка. В статье «Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах» российского исследователя Ю.Б. Серикова анализируются различные аспекты использования керамики. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что «обломки керамических сосудов по форме, толщине и прочности представляли собой идеальные заготовки для изготовления разнообразных изделий, которые использовались в разных областях, как хозяйственной, так и культовой практики древнего человека» [Сериков 2008: 11].

На осколках сосудов, обнаруженных в каменных ящиках Камлюкского кургана, прослеживается геометрическая орнаментация, что возможно является символом сакрального характера. Керамические горшочки использовались, скорее всего, в качестве погребальных подношений и ритуальных предметов в процессе захоронения умершего, об этом можно судить по количеству и частоте обнаружения керамического инвентаря в древних погребениях различных эпох. Использование фрагментов битой керамической посуды, как мы полагаем, символизирует обретение человеком нового статуса и знаменует начало следующего этапа жизни.

В первом и последнем погребальных комплексах прослеживается ритуал использования огня, который был связан с представлениями древних племен о его магической, очистительной силе. Функция очистительной силы огня приписывалась охре. Огонь и его символы (уголь, охра) могли быть связаны с почитанием Солнца и наличием культа плодородия у раннеземледельческих племен Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы [Атаев, Ахундов 2021:122]. Наделение огня очистительными свойствами, как и традицию кремации, исследователи относят к универсальным, сугубо человеческим практикам, которые распространены по всему миру вне зависимости от территориальных границ и этнических особенностей [Добровольская 2005: 8].

Обычай посыпки покойников природным красителем – охрой в курганных захоронениях Северо-Западного Кавказа и Предкавказья встречается очень часто, и относится к раннему этапу бронзового века, и является отличительным признаком при характеристике майкопской археологической культуры.

Трупоположение. Археологи выделяют два способа обращения с телом умершего: «трупосожжение» и «трупоположение». В научной литературе еще нет четкого объяснения разнообразия видов трупоположения и ответа на вопрос, почему они со временем меняются. Обычно приводят два аргумента: изменение погребального обряда или же вытеснение одного населения другим.

С позиции этнографии обряд ингумации имеет сакральный смысл, опирающийся на космологические представления древнего человека. Используя археолого-этнографическое моделирование на основе универсального пространственно-временного кода (правое-левое, верх-низ, небо-земля, юг-север, солнце-луна, день-ночь), семантика которого опирается на космологию, можно определить ускользающие детали погребального обряда [Иванов, Топоров 1965: 64].

В четырех каменных ящиках Камлюкского кургана костяки лежали головой на восток и северо-восток. При общем доминировании восточного сектора в одном погребении выявилось юго-западное направление. Такая ориентация совпадает с направлением движения Солнца. Древнее общество, будучи в полной зависимости от стихий, искало возможности гармоничного сосуществования с окружающим миром, что выражалось в обожествлении и поклонении силам природы, в том числе Солнцу. Как отмечает исследователь древней символики М.Г. Куек, «во многих традициях Солнце, почитавшееся как Владыка дня, олицетворяло божественное всевидящее око» [Куек 2016: 158]. Таким образом, древнее население, оставившее Камлюкский курган, определяло стороны горизонта, по движению Солнца, беря за основу точку восхода. Небольшие отклонения от традиционной ориентации могли быть связаны с сезонными изменениями точки восхода Солнца или закрытостью горизонта [Быков, Тишкин 2006: 115].

В исследованных погребальных комплексах мы обнаруживаем два вида поз умерших: скорченные на боку и вытянутые на спине.

По утверждению Ю.А. Шилова, вытянутое положение символизирует «воскрешение» или «возрождение» [Шилов 1995: 55]. С этой позицией не согласен В.И. Марковин, считающий, что данные понятия имеют разные смысловые оттенки, и правильное было бы говорить о перевоплощении, когда душа умершего переходит в другое живое тело [Марковин 1995]. Также высказывалась идея сна академиком Б.А. Рыбаковым. Реконструируя древний обряд погребения, он пришел к выводу, что захоронение покойника в его естественном, распрямленном виде означало, что умерший должен проснуться в том облики, в котором он «уснул» [Рыбаков 1981: 271].

Скорченное положение многие исследователи интерпретируют, как «утробное», имея в виду, что человека готовили к перерождению, к новой жизни, а Шилов полагает, что оно олицетворяет «коленипреклонность» перед высшими силами [Шилов 1995: 57].

Рассмотренные традиции погребального обряда свидетельствуют о том, что древнее население Центрального Предкавказья при совершении процесса ингумации следовало представлениям о загробной жизни, вкладывая в ритуальные действия глубокий символический и религиозный смысл. Становится понятно, что на всем протяжении совершения сакрального обряда пространство вокруг человека моделировалось его телом и теми предметами, которые его сопровождали для перехода в другое «измерение» и обретения «новой жизни».

Заключение

Таким образом, анализ погребальных сооружений, вещественных артефактов, обряда ингумации, а также результаты этнографического изучения и реконструкции ритуальных действий говорят о принадлежности Камлюкского кургана к двум археологическим культурам: майкопской и северокавказской. Говоря о хронологических рамках майкопской культуры ранней бронзы, следует брать за основу начало IV тыс. до н.э., а для северокавказской археологической культуры эпохи средней бронзы период с конца IV – нач. III тыс. до н.э. Датировка, установленная советскими исследователями (майкопская культура III тыс. до н.э., северокавказская культура II тыс. до н.э.), утратила свое практическое значение и представляет на сегодняшний день лишь историографический интерес.

Разнообразие черт погребального обряда свидетельствует о сложной системе представлений древнего общества, которая была основана на механизме действия архетипов. Универсальным элементом можно назвать отношение к погребальному обряду, как одному из важнейших ритуалов, символизирующего смерть человека и его возрождение к новой жизни.

Археологический памятник, археологический артефакт, погребальный обряд и ритуальные действия, его сопровождающие, являются продуктом духовной и практической деятельности человека, следовательно, аналитический материал, которым мы располагаем при исследовании древней истории, имеет свое конкретное происхождение и относится к тем или иным культурно-историческим общностям – этносам. Факт взаимосвязи и взаимодействия носителей древних археологических культур Кавказа бронзового века с древними протоабхазо-адыгскими племенами, подтверждаются данными археологических, этнологических и современных генетических исследований. Сложность заключается в том, что нет конкретных этнических определителей, которые можно безоговорочно распространять на археологические материалы. Археология не дает нам никаких представлений о народе, только об оставшейся материальной культуре. Этнология в этом вопросе пытается, используя теоретические и практические методы, раскрыть некоторые аспекты вопроса, но проблема далека от разрешения.

В таких условиях использование достижений и подходов различных областей наук в археологических и этнологических исследованиях является необходимостью. Несмотря на то, что в отечественной науке предпочтение отдается «классическим» методам исследования, нужно искать и привлекать возможности других направлений. Рассматривать проблему этногенеза необходимо комплексно с позиции междисциплинарного подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Childe 1956 – *Childe G. Piecing Together the Past. (The Interpretation of Archaeological Data).* – London: Routledge and Kegan Paul, 1956. – 186 p. (на англ. яз.).

Алекшин 1981 – *Алекшин В. А.* Погребальный обряд как археологический памятник // КСИА. – Москва: Наука, 1981. – № 167. – С. 3–9.

Алиев 2011 – *Алиев К.М.* Проблема происхождения кумыков // Бюллетень Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала: 2011. – № 1 – С. 4–18.

Атаев, Ахундов 2021 – *Атаев Г.Д., Ахундов Т.И.* Погребальный обряд, как источник изучения идеологических представлений Дагестана, эпохи средней бронзы // История, археология и этнография Кавказа. – 2021. – № 1. – С. 115-162.

Бгажноков 2011 – *Бгажноков Б.Х.* Майкопская культура и проблемы древнейшей истории адыгов // Известия КБНЦ РАН. – 2011. – № 4. – С. 5-15.

Бетров 1990 – *Бетров Р.Ж.* Адыги: Истоки этноса. – Нальчик: «Эльбрус», 1990. – 133 с.

Бетров 1991 – *Бетров Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик: «Нарт», 1991. – 168 с.

Бетров 1998 – *Бетров Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. – Нальчик: «Эльбрус», 1998. – 279 с.

Боров 2023 – *Боров А.Х.* Этногенез и регионогенез в становлении исторической Кабардино-Балкарии // Электронный журнал "Кавказология". – 2023. – № 3. – С. 14-75.

Братченко 1976 – *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наумкова думка, 1976. – 252 с.

Виноградов 2018 – *Виноградов Н.Б.* Символы топора в социально-культовой практике у населения позднего бронзового века // Statum plus. – 2018. – № 2. – С. 273-285.

Виноградов, Хайратдинов 2018 – *Виноградов Н.Б., Хайратдинов Р.К.* Новые данные о культовой практике населения Южного Зауралья позднего бронзового века // Поволжская археология. – 2018. – С. 91-105.

Волков 1980 – *Волков В.В.* Институт археологии АН СССР в 50-70 годах // КСИА. – 1980. – Вып. 163. – С. 11-18.

Гаджиев 1986 – *Гаджиев М.Г.* Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. – Махачкала, 1986. – 153 с.

Гутнов 1991 – *Гутнов Ф.К.* К этногенезу алан // Дарьял. – 1991. – № 4. – С. 229-237.

Гутнов 2011 – *Гутнов Ф.К.* Аланы: научно-популярные очерки истории. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 198 с.

Дворников 2011 – *Дворников Э.П.* Погребальный обряд археологических культур: о некоторых методических вопросах междисциплинарного подхода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 62-65.

Деген 1941 – *Деген Б.Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва-Ленинград, 1941. – № 3. – 324 с.

Догуз 1992 – *Догуз К.Г.* К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье // Проблемы этнографии осетин. – Вып. 2. – Владикавказ, 1992. – С. 12-26.

Иванов, Топоров 1965 – *Иванов В.В., Топоров В.Н.* – Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – Москва: Наука, 1965. – 246 с.

Ильясов 2009 – *Ильясов Л.М.* Культура чеченского народа. – Москва: ЮНЕСКО и Благотворительный фонд имени Зии Бажаева, 2009. – 264 с.

Калоев 1994 – *Калоев Б.А.* Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // От скифов – до осетин. Вып. 1: По материалам I Международной конференции «Осетиноведение: история и современность», 1994. – С. 83-97.

Каменецкий 1970 – *Каменецкий И.С.* Археологическая культура – ее определение и интерпретация // Советская археология. – 1970. – № 2. – С. 18-36.

Клейн 1998 – *Клейн Л.С.* Археология и этнография: проблема сопоставления // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы международного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. – Омск-Санкт-Петербург, 1998. – Ч. 1. – С. 97-120.

Клещенко 2011 – *Клещенко А.А.* Северокавказская культура Закубанья: автореф. дисс... канд. ист. наук. – Москва: 2011. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека диссертаций – disserCat сайт. URL: <https://www.dissercat.com/content/severokavkazskaya-kultura-zakubanya> (дата обращения 15.04. 2024).

Клещенко 2018a – *Клещенко А.А.* Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Институт археологии Российской академии наук Ответственный редактор к.и.н. М.В. Андреева. – Москва: Институт археологии Российской академии наук, 2018. – С. 154-252.

Клещенко 2018b – *Клещенко А.А.* Некоторые локальные особенности погребальной обрядности эпохи ранней бронзы Предкавказья // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола. – Москва: ИА РАН, 2018. – 92 с.

Ковалевская 2005 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Корневский 1993 – *Корневский С.Н.* Погребения с каменными топорами эпохи средней бронзы в Центральном Предкавказье // Социальная дифференциация общества / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. – Москва: Наука, 1993. – С. 78–92.

Корневский 2004 – *Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – Москва: Наука, 2004. – 246 с.

Корневский 2019 – *Корневский С. Н.* Наследие символики погребений с топорами эпохи IV тыс. до н.э. и ее варианты в комплексах Центрального Кавказа в "постмайкопский" период III тыс. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2019. – С. 81-102.

Крадин 2009 – *Крадин Н.Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. – 2009. – № 5. – С. 9-19.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя культура и история Кабарды. – Москва: Издательство АН СССР, 1957. – 176 с.

Кук 2016 – *Кук М. Г.* Семантика солярных символов в художественном металле адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 1(172). – С. 157-162.

Кузьминов, Мамхегова 2018 – *Кузьминов П.А., Мамхегова Л.Х.* Роль Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института в разработке проблем этногенеза адыгов в 40-е – 60-е годы XX века // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 3. – С. 56-60.

Кукушкин 2018 – *Кукушкин И.А.* Культурно-исторические истоки и наследие Синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / отв. ред. Д.Г. Зданович. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, – 2018. – С. 62-77.

Кызласов 1999 – *Кызласов И.Л.* Скальные захоронения — особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. статей. – Москва: Восточная литература, 1999. – С. 169-200.

Ловпаче 1997 – *Ловпаче Н.Г.* Этническая история Западной Черкесии [с 6 тысячелетия до н. э. по XIX в.]. – Майкоп: Адыг. гос. ун-т, 1997. – 168 с.

Ловпаче 2019 – *Ловпаче Н.Г.* Майкопская культура и адыги // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, 2019. – № 19 (43). – С. 75-83.

Максидов 2003 – *Максидов А.А.* Адыги и народы Причерноморья. – Нальчик: «Эльбрус», 2003. – 117 с.

Марков 2018 – *Марков И.Г.* Археологические источники в этнографических исследованиях Е.А. Крейновича // Первые краеведческие чтения: материалы научной конференции, посвященной памяти известного ученого-историка, архивиста, доктора исторических наук А.И. Костанова, Южно-Сахалинск, 07–08 декабря 2017 года / Министерство культуры и архивного дела Сахалинской области; ГБУК "Сахалинский областной краеведческий музей". – Южно-Сахалинск: Государственное бюджетное учреждение культуры "Сахалинский областной краеведческий музей", 2018. – С. 32-38.

- Марковин 1960 – *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. (II тыс. до н. э.) – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 151 с.
- Марковин 1991 – *Марковин В.И.* Об археологическом аспекте в изучении этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. – 1991. – С. 8-9.
- Марковин 1995 – *Марковин В.И.* Заметки об изучении духовно-культовой стороны погребальных древностей [1995] [Электронный ресурс] // Активный туризм на Юге России: сайт. URL: http://budetinteresno.info/kraeved/pogreb_markovin.htm (дата обращения 28.04.2024).
- Мизиев 1991 – *Мизиев И.М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая, XIII-XVIII вв.: Важнейшие этногенет. аспекты: В помощь учителям-историкам, краоведам, студентам и учащейся молодежи / М-во нар. образования КБССР. – Нальчик: Нарт, 1991. – 190 с.
- Молчанов, Валиахметов, Букачева [и др.] 2024 – *Молчанов И. В., Валиахметов И.А., Букачева А.О.* [и др.] Каменные топоры эпохи бронзы из фондов музея-заповедника «Аркам» // Археология Евразийских степей. – 2024. – № 1. – С. 264-284.
- Мунчаев 1975 – *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. – Москва: Наука, 1975. – 416 с.
- НА ИГИ КБНЦ РАН 26 – Научный архив ИГИ КБНЦ РАН. / Г.И. Ионе. «Отчет о полевых работах археологической экспедиции в 1963 году». – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 26.
- НА ИГИ КБНЦ РАН 51 – Научный архив ИГИ КБНЦ РАН. / И.М. Чеченов «Отчет о работе II отряда археологической экспедиции КБНИИ за 1963 г.». – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 51.
- Нелин 1996 – *Нелин Д.В.* Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания / Отв. ред. С.Г. Басин. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. – С. 86–92.
- Нелин, Шилов 2004 – *Нелин Д.В., Шилов С.Н.* Каменный полированный топор с территории Южного Зауралья // Уфимский археологический вестник. – Вып. 5. – 2004. – С. 282-283.
- Ольховский 1991 – *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – Москва: Наука, 1991. – 256 с.
- Рыбаков 1981 – *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – Москва: Наука, 1981. – 607 с.
- Савченко 1999 – *Савченко Е.И.* Погребальный обряд Мощевой Балки (Северный Кавказ) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: Сб. статей. – Москва: Восточная литература, 1999. – С. 147-169.
- Семенова 2007 – *Семенова В.И.* Археолого-этнографическое моделирование погребального обряда в структурно-семиотическом контексте // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 120-130.
- Сериков 2008 – *Сериков Ю.Б.* Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах // Народы и религии Евразии. – 2008. – № 2. – С. 11-30.
- Смирнов 1964 – *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // Советская археология. – 1964. – № 4. – С. 3-10.
- Федоров 1996 – *Федоров Г.С.* История происхождения кумыков. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1996. – 176 с.
- Фоменко 2016 – *Фоменко В.А.* К истории археологического изучения территории Кабардино-Балкарской республики (сектор археологии КБИГИ) // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 10-4. – С. 135-141.
- Цвинария 1990 – *Цвинария И.И.* Взаимоотношения культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа. – Сухуми: Алашара, 1990. – 33 с.
- Чеченов 1965 – *Чеченов И.М.* Новый памятник северокавказской культуры // Ученые записки. – Т. 23. Юбилейное издание, 1965. – С. 297-306.
- Чеченов 1969 – *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии: (Материалы к археол. карте) / Под ред. канд. ист. наук В.А. Кузнецова; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров КБА ССР. – Нальчик: «Эльбрус», 1969. – 152 с.
- Шилов 1995 – *Шилов Ю.А.* Прародина ариев: история, обряды и мифы – Киев: СИНТО, 1995. – 739 с.

Юринов 2020 – Юринов Б.Н. Этнографическое изучение объектов историко-культурного наследия на примере памятников археологии Кабардино-Балкарской Республики // Russian Colonial Studies. – 2020. – Т. 5, № 1. – С. 181-205.

REFERENCES

- CHILDE G. *Piecing Together the Past*. – London: Routledge and Kegan Pau, 1956. – 186 p.
- ALEKSHIN V.A. *Pogrebal'ny'j obryad kak arxeologicheskij pamyatnik* [Funeral rite as an archaeological monument]. In: KSIA. – Moskva: Nauka, 1981. – № 167. – P. 3–9. (In Russ.).
- ALIEV K.M. *Problema proisxozhdeniya kumy'kov* [The problem of the origin of Kumyks]. In: Byulleten' Kumy'skogo nauchno-kul'turnogo obshhestva. – Maxachkala, 2011. – № 1 – P. 4–18. (In Russ.).
- ATAEV G.D, Axundov T.I. *Pogrebal'ny'j obryad, kak istochnik izucheniya ideologicheskix predstavlenij Dagestana, e'poxi srednej bronzy'* [The funeral rite as a source for studying the ideological representations of Dagestan, the Middle Bronze Age]. In: Istoriya, arxeologiya i e'tnografiya Kavkaza. – 2021. – № 1. – P. 115–162. (In Russ.).
- BGAZHNOKOV B.X. *Majkopskaya kul'tura i problemy' drevnejshej istorii ady'gov* [Mai-kop culture and problems of the ancient history of the Circassians]. In: Izvestiya KBNC RAN. – 2011. – № 4. – P. 5–15. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Ady'gi: Istoki e'tnosa* [Adygi: The Origins of the ethnos.]. – Nal'chik: «E'l'brus», 1990. – 133 p. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Proiskhozhdenie i etnokulturnye svyazi ady'gov* [Origin and ethnocultural connections of the Circassians]. – Nalchik: «NarT», 1991. – 168 p. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Ady'gi: vozniknovenie i razvitie e'tnosa* [Adygi: the emergence and development of an ethnic group]. – Nal'chik: «E'l'brus», 1998. – 279 p. (In Russ.).
- BOROV A.X. *E'tnogenez i regionogenez v stanovlenii istoricheskoy Kabardino-Balkarii* [Ethnogenesis and regionogenesis in the formation of historical Kabardino-Balkaria]. In: E'lektronny'j zhurnal "Kavkazologiya". – 2023. – № 3. – P. 14–75. (In Russ.).
- BRATCHENKO S.N. *Nizhnee Podon'e v e'poxu srednej bronzy'* [Nizhniye Podonye in the Middle Bronze Age.]. – Kiev: Naumkova dumka, 1976 – 252 p. (In Russ.).
- VINOGRADOV N.B. *Simvoly' topora v social'no-kul'tovoj praktike u naseleniya pozdnego bronzovogo veka* [Symbols of the axe in social and cult practice among the population of the late Bronze Age]. In: Statum plus. – 2018. – № 2. – P. 273–285. (In Russ.).
- VINOGRADOV N.B., XAJRYATDINOV R.K. *Novy'e dannye o kul'tovoj praktike nasele-niya Yuzhnogo Zaural'ya pozdnego bronzovogo veka* [New data on the cult practice of the popula-tion of the Southern Trans-Urals of the Late Bronze Age]. IN: Povolzhskaya arxeologiya. – 2018. – P. 91–105. (In Russ.).
- VOLKOV V.V. *Institut arxeologii AN SSSR v 50-70 godax* [Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in 50-70 years]. IN: KSIA. – 1980. – Vy'p. 163. – P. 11–18. (In Russ.).
- GADZHIEV M.G. *Pogrebal'ny'e obryady' rannezemledel'cheskix plemen Dagestana* [Rites and cults of the ancient and medieval population of Dagestan]. In: Obryady' i kul'ty' drevnego i srednevekovogo naseleniya Dagestana. – Maxachkala, 1986. – 153 p. (In Russ.).
- GUTNOV F.K. *K e'tnogenezu alan* [Towards ethnogenesis alan]. In: Dar'yal. – 1991. – № 4. – P. 229–237. (In Russ.).
- GUTNOV F.K. *Alany': nauchno-populyarny'e ocherki istorii.* [Alans: popular science essays on history]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011. – 198 p. (In Russ.).
- DVORNIKOV E.P. *Pogrebal'ny'j obryad arxeologicheskix kul'tur: o nekotory'x metodicheskix voprosax mezhdisciplinarnogo podxoda* [The funeral rite of archaeological cultures: on some methodological issues of an interdisciplinary approach]. In: Istoricheskie, filosofskie, poli-ticheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki. – 2011. – № 2. – P. 62–65. (In Russ.).

DEGEN B.E. *Kurgany` v Kabardinskom parke g.Nal`chika* [Mounds in the Kabardian Park of Nalchik]. In: *Materialy` i issledovaniya po arxeologii SSSR*. – Moskva–Leningrad, 1941. – № 3. – 324 p. (In Russ.).

DOGUZOV K.G. *K voprosu o rasselenii alan na Kavkaze v rannem srednevekov`e* [On the question of the settlement of the Alans in the Caucasus in the early Middle Ages]. In: *Problemy` e`tnografii osetin*. – Vy`p. 2. – Vladikavkaz, 1992. – P. 12-26. (In Russ.).

IVANOV V.V. TOPOROV V.N. *Slavyanskije yazy`kovy`e modeliruyushhie semioticheskie sistemy* [Slavic language modeling semiotic systems]. – Moskva: Nauka, 1965. – 246 p. (In Russ.).

IL`YASOV L.M. *Kul`tura chechenskogo narod* [Culture of the Chechen people]. – Moskva: YuNESKO i Blagotvoritel`ny`j fond imeni Zii Bazhaeva, 2009. – 264 p. (In Russ.).

KALOEV B.A. *Alanskij substrat v e`tnogeneze balkarcev i karachaevcev po danny`m e`tnografii* [The Alan substrate in the ethnogenesis of the Balkars and Karachays according to ethnography]. In: *Ot skifov – do osetin. Vy`p.1: Po materialam I Mezhdunarodnoj konferencii "Osetinovedenie: istoriya i sovremennost`"*. – 1994. – P. 83-97. (In Russ.).

KAMENECZKIJ I.S. *Arxeologicheskaya kul`tura – ee opredelenie i interpretaciya* [Archaeological culture – its definition and interpretation]. In: *Sovetskaya arxeologiya*. – 1970. – № 2. – P. 18-36. (In Russ.).

KLEJN L.S. *Arxeologiya i e`tnografiya: problema sopostavleniya* [Archaeology and ethnography: the problem of comparison]. In: *Integraciya arxeologicheskix i e`tnograficheskix issledovanij. Materialy` mezhdunarodnogo seminara, posvyashhyonnogo 155-letiyu so dnya rozhdeniya D.N. Anuchina*. – Omsk-Sankt-Peterburg. – 1998. – Ch. 1. – S. 97-120. (In Russ.).

KLESHHENKO A.A. *Severokavkazskaya kul`tura Zakuban`ya*: [The North Caucasian culture of Zakuban] avtoref. diss... kand. ist. nauk. – Moskva: 2011. [E`lektronny`j resurs]. In: *E`lektronnaya biblioteka dissertacij – disserCat sajt*. URL: <https://www.dissercat.com/content/severokavkazskaya-kultura-zakubanya> (data obrashheniya 15.04. 2024). (In Russ.).

KLESHHENKO A.A. *Kamenny`e vtul`chaty`e topory` e`poxi srednej bronzy` Predkavkaz`ya: klassifikaciya i xronologiya* [Stone hollow axes of the Middle Bronze Age of the Caucasus: classification and chronology]. In: *Arxeologicheskie pamyatniki i mezhkul`turny`e fenomeny` e`neolita i bronzovogo veka / Institut arxeologii Rossijskoj akademii nauk Otvetstvenny`j redaktor k.i.n. M.V. Andreeva*. – Moskva: Institut arxeologii Rossijskoj akademii nauk, 2018. – P. 154-252. (In Russ.).

KLESHHENKO A.A. *Nekotory`e lokal`ny`e osobennosti pogrebal`noj obryadnosti e`poxi rannej bronzy` Predkavkaz`ya* [Some local features of the funeral rites of the Early Bronze Age of the Pre-Caucasus]. In: *Svyazi i vzaimootnosheniya kul`tur bronzovogo veka Cirkumpontijskogo regiona: novy`e danny`e i materialy`*. Tezisy` dokladov kruglogo stola. – Moskva: IA RAN, 2018. – 92 p. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Kavkaz – skify`, sarmaty`, alany` I ty`s. do n.e`. – I ty`s. n.e`*. [Scythians, Sarmatians, Alans I thousand BC – I thousand AD]. – Pushhino: ONTI PNCz RAN, 2005. – 398 p. (In Russ.).

KORENEVSKIY S.N. *Pogrebeniya s kamenny`mi toporami e`poxi srednej bronzy` v Central`nom Predkavkaz`e* [Burials with stone axes of the Middle Bronze Age in the Central Caucasus]. In: *Social`naya differenciaciya obshhestva / Otv. red. G.E. Afanas`ev*. – Moskva: Nauka, 1993. – P. 78–92. (In Russ.).

KORENEVSKIY S.N. *Drevnejshie zemledel`cy i skotovody` Predkavkaz`ya* [The most ancient farmers and cattle breeders of the Pre-Caucasus]. – Moskva: Nauka, 2004. – 246 p. (In Russ.).

KORENEVSKIY S. N. *Nasledie simvoliki pogrebenij s toporami e`poxi IV ty`s. do n.e`. i ee varianty` v kompleksax Central`nogo Kavkaza v "postmajkopskij" period III ty`s. do n.e`* [The legacy of the symbolism of burials with axes of the IV millennium BC and its variants in the complexes of the Central Caucasus in the "post-Maikop" period of the III millennium BC]. In: *Arxeologicheskie pamyatniki Orenburzh`ya – Orenburg: Orenburgskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet*, 2019. – P. 81-102. (In Russ.).

KRADIN N.N. *Arxeologicheskie kul'tury i etnicheskie obshhnosti* [Archaeological cultures and ethnic communities]. In: *Teoriya i praktika arxeologicheskix issledovanij*. – 2009. – № 5. – P. 9-19. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnyaya kul'tura i istoriya Kabardy*. [Ancient culture and history of Kabarda]. – Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. – 176 p. (In Russ.).

KUEK M. G. *Semantika solyarny'x simvolov v xudozhestvennom metalle ady'gov* [Semantics of solar symbols in the artistic metal of the Adygs]. In: *Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. – 2016. – № 1(172). – P. 157-162. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A, MAMXEGOVA L.X. *Rol' Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta v razrabotke problem etnogeneza ady'gov v 40-e-60e gody' XX veka*. [The role of the Kabardino-Balkarian Research Institute in the development of problems of ethno-genesis of the Adygs in the 40s-60s of the XX century]. In: *Nauchnaya my'sl' Kavkaza*. – 2018. – № 3. – P. 56-60. (In Russ.).

KUKUSHKIN I.A. *Kul'turno-istoricheskie istoki i nasledie Sintashtinskoj kul'tury* [Cultural and historical origins and heritage of the Sintashta culture]. In: *Stepnaya Evraziya v e'poxu bronzy: kul'tury, idei, texnologii: sb. nauch. tr. k 80-letiyu Gennadiya Borisovicha Zdanovicha / otv. red. D. G. Zdanovich*. — Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2018. – P. 62-77. (In Russ.).

KY'ZLASOV I.L. *Skal'ny'e zaxoroneniya — osobaya kategoriya pogrebal'ny'x pamyatnikov* [Funeral rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological ideas]. In: *Pogrebal'ny'j obryad. Rekonstrukciya i interpretaciya drevnix ideologicheskix predstavlenij: Sb. statej*. – Moskva: Vostochnaya literatura, 1999. – P. 169-200. (In Russ.).

LOVPACHE N.G. *Etnicheskaya istoriya Zapadnoj Cherkessii [s 6 ty'syacheletiya do n. e. po XIX v.]* [The ethnic history of Western Circassia from the 6th millennium BC to the XIX century]. – Majkop : Ady'g. gos. un-t, 1997. – 168 p. (In Russ.).

LOVPACHE N. G. *Majkopskaya kul'tura i ady'gi* [Maikop culture and the Adygs]. In: *Vestnik nauki Ady'gejskogo respublikanskogo instituta gumanitarny'x issledovanij imeni T.M. Kerasheva*. – 2019. – № 19(43). – P. 75-83. (In Russ.).

MAKSIDOV A.A. *Ady'gi i narody' Prichernomor'ya* [Adygs and the peoples of the Black Sea region]. – Nal'chik: «E'l'brus», 2003. – 117 p. (In Russ.).

MARKOV I.G. *Arxeologicheskie istochniki v etnograficheskix issledovaniyax E.A. Krejnovicha* [Archaeological sources in ethnographic studies of E.A. Kreinovich]. In: *Pervy'e kraevedcheskie chteniya: materialy' nauchnoj konferencii, posvyashhennoj pamyati izvestnogo uchenogo-istorika, arxivista, doktora istoricheskix nauk A.I. Kostanova, Yuzhno-Saxalinsk, 07–08 dekabrya 2017 goda / Ministerstvo kul'tury i arxivnogo dela Saxalinskoj oblasti; GBUK "Saxalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej"*. – Yuzhno-Saxalinsk: Gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury "Saxalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej", 2018. – P. 32-38. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Kul'tura plemen Severnogo Kavkaza v e'poxu bronzy. (II ty's. do n. e.)* [The Culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age. (II thousand BC)]. – Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. – 151 p. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Ob arxeologicheskom aspekte v izuchenii etnogeneza vajnaxov* [On the archaeological aspect in the study of the ethnogenesis of the Vainakhs]. In: *Problemy' proisxozhdeniya naxskix narodov*. – 1991. – P. 8-9. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Zametki ob izuchenii duxovno-kul'tovoj storony' pogrebal'ny'x drevnostej* [Notes on the study of the spiritual and cult side of funerary antiquities] [1995] [E'lektronny'j resurs]. In: *Aktivny'j turizm na Yuge Rossii: sajt*. URL: http://budetinteresno.info/kraeved/pogreb_markovin.htm (data obrashheniya 28.04.2024). (In Russ.).

MIZIEV I.M. *Ocherki istorii i kul'tury Balkarii i Karachaya, XIII-XVIII vv.: Vazhnejšie etnogenet. aspekty'* [Essays on the history and culture of Balkaria and Karachay, XIII-XVIII centuries]: V pomoshh' uchitelyam-istorikam, kraevedam, studentam i uchashhejsya molodezhi / M-vo nar. obrazovaniya KBSSR. – Nal'chik: Nart, 1991. – 190 p. (In Russ.).

MOLCHANOV I.V., VALIAXMETOV I.A., BUKACHEVA A.O. *Kamenny`e topory` e`poxi bronzy` iz fondov muzeya-zapovednika «Arkaim»* [Stone axes of the Bronze Age from the funds of the Arkaim Museum-Reserve]. In: *Arxeologiya Evrazijskix stepej*. – 2024. – № 1. – P. 264-284. (In Russ.).

MUNCHAEV R.M. *Kavkaz na zare bronzovogo veka*. [The Caucasus at the dawn of the Bronze Age]. – Moskva: Nauka, 1975. – 416 p. (In Russ.).

Nauchny`j arxiv IGI KBNCz RAN [Scientific Archive of IGI KBNTS RAS] / G.I. Ione. *Otchet o polevy`x rabotax arxeologicheskoy e`kspedicii v 1963 godu*. F. 21. Op. 1. D. 26. (In Russ.).

Nauchny`j arxiv IGI KBNCz RAN [Scientific Archive of IGI KBNTS RAS] / I.M. Chechenov «*Otchet o rabote II otryada arxeologicheskoy e`kspedicii KBNII za 1963 g.*» F.21. Op. 1. D. 51. (In Russ.).

NELIN D.V. *Materialy` k yugo-zapadny`m svyazyam Yuzhnogo Zaural`ya v e`poxu bronzy`* [Materials to the South-western connections of the Southern Trans-Urals in the Bronze Age]. In: *Istoriko-arxeologicheskie izy`skaniya / Otv. red. S.G. Basin*. – Samara: Izd-vo SamGPU, 1996. – P. 86–92. (In Russ.).

NELIN D.V., SHILOV S.N. *Kamenny`j polirovanny`j topor s territorii Yuzhnogo Zaural`ya* [A stone polished axe from the territory of the Southern Trans-Urals]. In: *Ufimskij arxeologicheskij vestnik*. – Vy`p. 5. – 2004. – P. 282-283. (In Russ.).

OL`XOVSKIY V.S. *Pogrebal`no-pominal`naya obryadnost` naseleniya stepnoj Skifii (VII–III vv. do n.e`.)*. [Funeral and memorial rites of the population of steppe Scythia (VII–III centuries BC)]. – Moskva: Nauka, 1991. – 256 p. (In Russ.).

RY`BAKOV B.A. *Yazy`chestvo drevnix slavyan*. [Paganism of the ancient Slavs]. – Moskva: Nauka, 1981. – 607 p. (In Russ.).

SAVCHENKO E.I. *Pogrebal`ny`j obryad Moshhevoj Balki (Severnoy`j Kavkaz)* [The funeral rite of the Moshevaya Beam (North Caucasus)]. In: *Pogrebal`ny`j obryad. Rekonstrukciya i interpretaciya drevnix ideologicheskix predstavlenij: Sb. statej*. – Moskva: Vostochnaya literatura, 1999. – P. 147-169. (In Russ.).

SEMENOVA V.I. *Arxeologo-e`tnograficheskoe modelirovanie pogrebal`nogo obryada v strukturno-semioticheskom kontekste* [Archaeological and ethnographic modeling of the funeral rite in a structural and semiotic context]. In: *Vestnik arxeologii, antropologii i e`tnografii*. – 2007. – № 7. – P. 120-130. (In Russ.).

SERIKOV Yu.B. *Ispol`zovanie fragmentov keramiki v kul`tax i ritualax* [The use of ceramic fragments in cults and rituals]. In: *Narody` i religii Evrazii*. – 2008. – № 2. – P. 11-30.

SMIRNOV A.P. *K voprosu ob arxeologicheskoy kul`ture* [On the question of archaeological culture]. In: *Sovetskaya arxeologiya*. – 1964. – № 4. – P. 3-10. (In Russ.).

FEDOROV G.S. *Istoriya proisxozhdeniya kumy`kov* [The history of the origin of Kumyks]. – Maxachkala: Dagestanskoe knizhnoe izd-vo, 1996. – 176 p. (In Russ.).

FOMENKO V.A. *K istorii arxeologicheskogo izucheniya territorii Kabardino-Balkarskoj respubliki (sektor arxeologii KBIGI)* [On the history of archaeological study of the territory of the Kabardino-Balkarian Republic (KBIGI archeology sector)]. In: *Sovremenny`e tendencii razvitiya nauki i texnologij*. – 2016. – № 10-4. – P. 135-141. (In Russ.).

CZVINARIYA I.I. *Vzaimootnosheniya kul`tur e`neolita i rannej bronzy` Zapadnogo Kavkaza* [The relationship between the cultures of the Eneolithic and Early Bronze of the Western Caucasus]. – Suxumi: Alashara, 1990. – 33 p. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *Novy`j pamyatnik severokavkazskoj kul`tury`* [A new monument of North Caucasian culture]. In: *Ucheny`e zapiski*. T. 23. Yubilejnoe izdanie, 1965. – P. 297-306. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *Drevnosti Kabardino-Balkarii*: [Antiquities of Kabardino-Balkaria] (Materialy` k arxeol. karte) / Pod red. kand. ist. nauk V.A. Kuznecova; Kabard.-Balkar. nauch.-issled. in-t pri Sovete Ministrov KBA SSR. – Na`chik: «E`l`brus», 1969. – 152 p. (In Russ.).

SHILOV Yu.A. *Prarodina ariev: istoriya, obryady` i mify`* [The ancestral home of the Aryans: history, rituals and myths]. – Kiev: SINTO, 1995. – 739 p. (In Russ.).

YURINOV B.N. *E`tnograficheskoe izuchenie ob`ektov istoriko-kul`turnogo naslediya na primere pamyatnikov arxeologii Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [The ancestral home of the Aryans: history, rituals and myths]. IN: Russian Colonial Studies. – 2020. – Т. 5, № 1. – Р. 181-205. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.Х. Гучапшева – аспирант.

Information about the author

L.Kh. Guchapsheva – a graduate student.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.